

Н. В. Монгилёва

Костанай, Республика Казахстан

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБРАЗНОЙ СХЕМЫ «СВЯЗЬ» В СИСТЕМЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ РАСШИРЕНИЙ

АННОТАЦИЯ. В когнитивной науке схема определяется как когнитивное образование, сформированное путем перцептивного анализа, выполняющее функцию памяти о сенсорных ощущениях и служащее шаблоном в процессе новых восприятий, обеспечивающее способность к узнаванию и запоминанию того, что является новым вариантом по отношению к шаблону. На основе механизма образной схемы в процессе понимания происходит выделение ряда значимых аспектов внешнего мира и постоянная трансформация опыта, понимание действительно переделывает опыт. В статье анализируется актуализация образной схемы «Связь» в описании соотношения абстрактных сущностей, имеющих структурную организацию (политика, экономика). Образная схема «Связь» с элементами «субъект», «предмет в функции связи», «субъект» является одной из базовых структур русскоязычного дискурса об отношениях. Специфика лингвокультурного сценария русскоязычного дискурса об отношениях такова, что нарратив об отношениях людей автоматически актуализирует семантику эмоций, эмоциональной оценки взаимодействия. За счет элемента объективации эмоциональной связи в русской лингвокультуре в нарративе о взаимодействии государственных структур становится допустимым развитие концептуальных векторов целой гаммы человеческих эмоций (обиды, симпатии, амбиций и т. д.) при упоминании любых отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политические метафоры; политическая метафорология; русский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Монгилёва Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранной литературы, Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова; 110000, Республика Казахстан, г. Костанай, ул. А. Байтурсынова, 47; e-mail: natmong@rambler.ru.

Материалы Международной научной конференции «Один пояс — один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16—21 октября 2017 г.).

В когнитивной науке схема определяется как когнитивное образование, сформированное путем перцептивного анализа, выполняющее функцию памяти о сенсорных ощущениях и служащее шаблоном в процессе новых восприятий, обеспечивающее способность к узнаванию и запоминанию того, что является новым вариантом по отношению к шаблону [Fortis 2010: 19; Attneave 1955; Mandler 1992; Rohrer 2005]. По словам Т. Клаузер и У. Крофт, образные схемы не имеют изображения, они абстрактны, но в том смысле, что представляют собой максимально обобщенные и упрощенные конструкции, такие как КОНТЕЙНЕР, ПУТЬ, СИЛА, БАЛАНС и т. д. [более обширный список схем см.: Johnson 1987], которые повторяются в большом количестве других когнитивных областей (схема КОНТЕЙНЕР будет основой любого понятия с семантическим элементом емкости) [Clausner, Croft 1999].

На основе механизма образной схемы в процессе понимания происходит выделение ряда значимых аспектов внешнего мира и постоянная трансформация опыта, понимание действительно переделывает опыт [см.: Johnson 2015 http]. Процесс понимания происходит путем привлечения структур фонового знания, по словам Р. Лангакера, термин «домен» наиболее удачен для обозначения таких структур. Выбор фонового домена при понимании абстрактного контекста уже является этапом толкования. Р. Лангакер говорит об этом, что на понятийном уровне мы, по-видимому, способны представлять содержание довольно нейтрально, но как только мы кодируем его на языке, мы обязательно

навязываем определенное толкование [Langacker 1991: 44]. Образная схема, заключенная в когнитивном домене, играет важную роль в этом процессе. В статье *An Image Schema Language* Р. Амант, К. Моррисон и их соавторы приводят упрощенный рисунок когнитивной архитектуры, помещая образную схему на пересечении границ сенсорного уровня *Perceptual/Motor Function* и уровня познания *Higher-level Cognition*, где происходят действия рассуждения, планирования, решение проблем [Amant et al 2006: 1—2].

С одной стороны, элементы образной схемы являются точками привязки когнитивных доменов в метафорических моделях и ментальных пространствах. С другой, существует некоторое предопределение, заложенное в образной схеме. При осмыслении понятия «карьера» в терминах КОНТЕЙНЕРА обязательно актуализируется смысл ограничения — сравните две фразы об удачной карьере: *попал на теплое местечко* и *попал в струю*; первая фраза строится на базе схемы КОНТЕЙНЕР, вторая — на базе схемы ПУТЬ. Данные примеры могут продемонстрировать правомерность утверждения Т. Клаузер и У. Крофт о том, что схемы — это вид когнитивных структур, которые связывают домены [Clausner, Croft 1999: 16] и играют фундаментальную роль в различных когнитивных семантических процессах.

Данное исследование имеет целью анализ актуализации образной схемы СВЯЗЬ в описании соотношения абстрактных сущностей, имеющих структурную организацию (политика, экономика). В предыдущих ис-

© Монгилёва Н. В., 2017

следованиях было установлено, что одной из базовых структур русскоязычного дискурса об отношениях является образная схема СВЯЗЬ с элементами «**субъект — предмет в функции связи — субъект**»: *завязать знакомство, разорвать связи, узы брака, захомутать, привязать к себе ребенком* и т. д. [Монгилева 2016]. Дальнейший анализ позволил сделать вывод, что в осмыслении взаимодействия субъектов в образе предмета связи концептуализируется эмоциональная реакция субъектов отношений, связующий элемент схемы — это эмоциональное ощущение отношений, которое объективируется как статичное, независимое от субъектов и обладающее своей динамикой сил: *меня к нему тянет, нас судьба свела, так чего ж он мне душу рвет? приковывать взгляды* и т. д.

Наличие двух (и более) субъектов отношений в компонентном составе образной схемы является ее первой характеристикой. Отношения субъектов передаются лексемой множественного числа, вариант *отношение* к имеет значение подобия, аналогии, т. е. является уже реализацией другой схемы.

Элемент эмоциональной связи, стремление к эмоциональной статичности является основой концептуализации общения в русской лингвокультуре и дифференцирует концептуальную метафору ОБЩЕНИЕ — СВЯЗЬ на фоне других метафоризаций общения и понятия *communication* в англоязычной научной литературе: например, метафоры *Communication is Feeding*, *Communicating is Leading*, *Communication Is Showing* [Lakoff, Johnson 1999: 12] рассматриваются авторами как варианты метафор ДУМАНИЕ — ДВИЖЕНИЕ, ИДЕИ — ЕДА, ИДЕИ — ОБЪЕКТЫ и раскрывают понятие коммуникации как обмен информацией, в данном случае связь LINKS понимается как канал связи, канал, по которому информация доставляется до адресата [Grady 1997]. В то же время в русской лингвокультуре общение подразумевает не обмен информацией, а скорее обмен эмоциями, нахождение в статичном состоянии эмоционального комфорта. *О чем говорили? Да так, пообщались... /// какие у вас отношения? — ну, ... мы общаемся. /// ...Тебя к нему тянет, потому что вы общались, он был тебе другом и он тебе дорог как человек, с которым можно поделиться, посоветоваться. А тут произошел такой разрыв между вами, и вы перестали быть друзьями....*

Анализ корпуса материала, который составил более 3000 выражений и высказываний о семейных и межличностных отношениях, доказывает, что указанная схема орга-

низует первичный базовый уровень этого домена. Схема СВЯЗЬ является источником примарной метафоры ОТНОШЕНИЯ — СВЯЗЬ, на которую наслаиваются следующие. Так, в выражении *между нами тает лед* подразумевается прежде всего объект, заполняющий пространство между субъектами отношений. Лед как расширение метафоры ОТНОШЕНИЯ — ВОДНАЯ СТИХИЯ объективирует то общее, что существует между субъектами. Далее состояние этого объекта выражено в общекультурной метафоре *Affection is Warm — Disaffection Is Cold*, которую можно назвать частью универсального онтологического опыта. Если бы концептуализации отношений в виде физического объекта не было бы вообще, фраза имела бы вид *мой/твой лед тает*. Похожий пример — *между ними вспыхнул бурный роман*: первична концептуализация чувств между субъектами в виде физического объекта, который далее выражен в терминах *Жизнь — Текст*, а качественные характеристики обусловлены метафорой *Affection is Warm — Disaffection Is Cold*, количественные — метафорой *нагрелось — вспыхнуло*, количество и качество событий отражает метафора ОТНОШЕНИЯ — ВОДНАЯ СТИХИЯ, бурное море. Опять же, если убрать базовую примарную метафору ОТНОШЕНИЯ — ОБЪЕКТ, то поменяется синтаксическая конструкция, т. е. затрагивается более глубокий уровень организации фразы: *их роман был бурным, у нас вспыхнул бурный роман* и т. д. Также необходимо указать, что в ассоциации с метафорой моря немалую роль играет осмысление предмета связи как обладающего большей динамикой силы, чем субъекты отношений; образ стихии подразумевает невозможность контроля отношений со стороны человека.

Приводимые Дж. Лакоффом метафоры об отношениях *The marriage is on the rocks* (*брак на скалах*) и *We're spinning our wheels in this relationship* (*мы вращаем колеса наших отношений*) действительно понимаются верно, если в основе лежит метафора ЛЮБОВЬ — ПУТЕШЕСТВИЕ, которая базируется на схеме ПУТЬ и опыте необходимости общих целей для совместной жизни. Тогда невозможность движения вперед формирует смысл трудностей-препятствий в отношениях в примере *The marriage is on the rocks*. На примере во второй фразе — *We're spinning our wheels in this relationship* — Дж. Лакофф говорит о чувстве разочарования, которое говорящие выражают через образ вращающихся колес: усилия прилагаются, но автомобиль не движется [Lakoff 2014: 2—3].

Однако если представить эти фразы в устах представителя русской лингвокультуры, то смысл будет другой. Если базовой является схема СВЯЗЬ, главным в отношениях становится единение, нечто общее между субъектами, движение куда-либо вторично, поэтому образ разбитой лодки, о котором говорит Дж. Лакофф, во фразе *наш брак на скалах* означал бы конец отношений, так как повреждено то общее, что объединяло супругов. Вторая фраза — *мы вращаем колеса*, — наоборот, означала бы, что субъекты прилагают все усилия, стараются, так как образ автомобиля остается неповрежденным. Чтобы выразить смысл трудностей в отношениях, необходимо было бы убрать какой-либо образ, означающий усилия субъектов, и сделать опорной точкой образ сломанной машины, например: *в наших отношениях кончился бензин*.

В русской лингвокультуре для описания взаимоотношений может быть использована и другая схема, условно называемая в данной работе схемой структурного объекта: *отношения строятся/рушатся/восстанавливаются, укрепляют отношения, стабильные отношения, отношения разваливаются*. Подобная схема описана в работе Ж. Грэйди в рамках исследования примарной метафоры THEORIES ARE BUILDINGS — там когнитивный домен «человеческие отношения» приводится как одно из расширений домена-источника ЗДАНИЙ *Trust is the foundation of marriage (Доверие — фундамент нашего брака)*. Сопоставление абстрактной сущности со зданиями возможно, если абстрактное понимается как структура, имеющая дискретные части, между которыми имеются логические/причинно-следственные отношения. Второе условие: жизнеспособность означает продолжение функции или постоянную актуальность в некотором контексте — в понимании такого состояния используется схема движения вверх [Grady 1997: 44—46].

Но в отличие от схемы структуры, при актуализации говорящим образной схемы СВЯЗЬ происходит когнитивное выделение эмоционального отношения к другому субъекту, эмоциональная статика осмысливается как целостный объект, вне зависимости от субъектов. Модель ОТНОШЕНИЯ — ЗДАНИЯ всегда задействована в представлении целевых доменов, которые имеют в своей онтологии структурную организацию (политика, государство, экономика): *отношения строятся на принципах... // укреплять наши отношения с... /// выстраивать взаимовыгодные отношения... /// вкладом в наши отношения будет...* — и т. д.

Однако в политическом дискурсе наблюдается намеренное использование сценария со схемой СВЯЗЬ в основе: *После подписания соглашения Сирия и Израиль выясняли свои отношения силовыми способами на территории соседнего Ливана и в его воздушном пространстве. /// Ранят душу несправедливые отношения между Москвой и нашим городом, в котором, между прочим, крупнейший в мире завод по производству ядерного топлива*.

В примерах взаимодействие государственных структур, действия которых регулируются институциональными актами, метафоризировано как отношения двух людей: *Сирия и Израиль, Москва и наш город*. Тем самым автоматически возникает смысловое содержание схемы СВЯЗЬ с эмоциональными оценками справедливости/несправедливости, обиды, амбиций и т. д. Также в дискурсе сразу появляется все то, что возникает от объективации связи как независимого от субъектов отношений объекта, а это смысловой компонент нелогичности, внешней силы, непредсказуемости результата, силы обстоятельств и т. д.

Возможно, отмеченная частотность использования метафор личных отношений вместо логически обоснованных метафор структур обусловлена тем, что таким образом легче представить работу структуры, «мы так мыслим». Ж. Грэйди говорит, что осмысление чего-либо в метафоре ЗДАНИЙ активизирует фреймы знаний о зданиях и скрипты «часть — целое», скрипты складывания частей. По словам Ж. Грэйди, здания понимаются таким образом, потому что «мы их так строим» [Grady 1997: 44—46].

Личные отношения оказываются более понятными и предсказуемыми, чем отношения «часть — целое»: *...Но проблема-то в том, что одних желаний мало. Уверен, что ни одна из вышеназванных стран не хочет большой катастрофы. Но возникают противоречия национальных интересов. И Россию в этой связи заботит сохранение своего суверенитета, политического веса. Американцы умеют и любят навязывать свое видение, пытаются политически подчинить собеседников. Но это все шито белыми нитками, и вряд ли у них что-то из этого получится* (отрывок интервью с М. С. Гусманом).

В исследовании метафорического отражения образа государства в политическом дискурсе А. П. Чудинов неоднократно указывает на частотность метафоры родства [Чудинов 2001: 80—85; 2003]. С помощью метафоры родства описываются отношения человека и государства, общества и госу-

дарства, политических деятелей, чиновников, отношения человека и предприятия и т. д. При этом все перечисленное является структурированными системами, и отношения субъекта и государства — это также соотношение структурных частей, пусть и разноразмерных, но одинаково значимых для сохранения целостности системы. Однако метафора родства (основанная на схеме СВЯЗЬ со всеми сопутствующими элементами первородной связи) в данных случаях — это указание на то, что данные понятия в русской лингвокультуре легче представляются как аморфное целое, существующее как данность, независимо от субъекта. Метафора ГОСУДАРСТВО — ТЕЛО появляется в результате действия того же механизма, например: *рыба гниет с головы, а чистят ее с хвоста* — в отличие от метафоры ГОСУДАРСТВО — ОРГАНИЗМ, так как в образ организма включается взаимодействие разноразмерных частей.

В обыденном сознании в описании взаимодействия субъекта с представителями социальных структур сложно найти выражения, которые в своей основе имели бы примарную метафору ОРГАНИЗАЦИЯ — ФИЗИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА. Так, выражения *выйти на начальника, заведующая пошла нам навстречу, пойти до конца, начальник вошел в наше положение, дойти аж до президента* представляют конфликтную ситуацию в метафоре РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ — ПУТЕШЕСТВИЕ. В описании взаимодействия субъекта с организацией нет действий с частями. Ряд других выражений: *разобраться со школой, поскандалить с отделом кадров* — представляет организацию в виде человека, а контекстная ситуация трактуется как личный разговор, что является реализацией метафоры РАБОТА СТРУКТУРЫ — ЛИЧНЫЙ РАЗГОВОР. Может быть, поэтому решение проблемы по порядку, законодательно определенному, согласно институционально закреплённым актам, заранее считается бесполезным. В этом плане показательное освещение в СМИ «Прямой линии с президентом России», представляющее общение людей с главным представителем государственной структуры как общение двух людей, один из которых обладает чудодейственной силой. Репортажи СМИ о событиях содержат выражения *лично оценил, пообещал лично проконтролировать, поручил разобраться лично, сразу же после этого разговора*, что делает понятие государственной структуры аморфным, воплощенным в личности одного человека, на это же направлены многочисленные вкрапления просторечий: *борзота, я еще попрошу и*

другие, растиражированные в СМИ. В приведенном отрывке все компоненты работы структуры *чрезвычайная ситуация — мониторинг ситуации соответствующей структурой — действия властей, регулируемые институциональными актами* представлены через метафору РАБОТА СТРУКТУРЫ — ЛИЧНЫЙ РАЗГОВОР:

Тогда прямо на месте пожара, через два дня после события, состоялась прямая линия с президентом: с пепелища врио главы РБ Алексей Цыденов рассказал Владимиру Путину о случившемся. Путин поблагодарил всех граждан, которые „оперативно, тепло и душевно откликнулись на печальное событие, сделали все, чтобы помочь пострадавшим“ и поручил полностью и своевременно оказать помощь пострадавшим от пожара. Также он пообещал лично проверить, как идет строительство домов.

Реализуется схема СВЯЗЬ, в которой с одной стороны — субъект, обладающий мистической силой, с другой — субъект вообще без возможности что-либо сделать. Положительный контекст дискурса об описываемом событии во внутренней политической жизни страны поддерживает эту схему СВЯЗЬ, нивелируя понимание государства как отлаженного механизма, где субъект и президент — взаимозависимые структурные элементы и эффективность работы механизма является единственным условием его существования. Метафорические выражения *чудом разрешилось, поставило всех на уши, мигом оказался, окрик из Кремля* эксплицируют элемент внешнего воздействия и элемент отсутствия силы у субъекта. В выражениях *только после вмешательства президента* ситуация субъекта представлена в метафоре КОНТЕЙНЕР, т. е. описывается как замкнутое пространство, существующее вне структуры государства.

Образная схема СВЯЗЬ в понимании взаимодействия между людьми дает основание для появления определенных скриптов в коммуникативном поведении. Поведенческий стереотип таков, что после установления контакта с кем-либо личное знакомство становится основой более искренних, доверительных отношений. Это выражают единицы системы языка *помочь по-соседски, по знакомству, по-родственному, по-свойски, по душам, по-дружески* и т. д. Так, отношения с соседями должны быть *доверительными, хорошими, добрососедскими*, а не деловым сотрудничеством собственников жилья. В ряду подобных примеров есть выражения, эксплицирующие схему СВЯЗЬ: *иметь личные отношения с дирек-*

тором (у других, получается, виртуальные отношения?), *иметь особые отношения (отдельно, независимо от других, то, что существует только между данными субъектами)*, *попроси это у директора, ты же с ним на короткой ноге, а то нам он не разрешит...* Последнее выражение — *быть на короткой ноге* — показательно тем, что восходит к трансформированному французскому *être sur un bon pied*, но прилагательное *bon* — *хороший* означает качество функционирования, русское *короткая* означает длину, указывая на соотношение субъектов по горизонтали, задавая динамику движения субъектов навстречу друг другу, тем самым в русском лингвокультурном сознании заимствование адаптировалось под схему СВЯЗЬ и даже стало основой для синонимов *быть на дружеской ноге, быть на коротке*.

Специфика представленного в русскоязычном дискурсе лингвокультурного сценария отношений такова, что нарратив об отношениях людей автоматически актуализирует семантику эмоций, эмоциональной оценки взаимодействия. За счет элемента объективации эмоциональной связи в русской лингвокультуре в нарративе о взаимодействии государственных структур становится допустимым развитие концептуальных векторов целой гаммы человеческих эмоций (обиды, симпатии, амбиций и т. д.) в любых отношениях, и тех, которые регулируются институциональными нормами, и тех, которые онтологически имеют свойства структуры. *„Дело Соколовского лишь повод сделать Кирилла невъездным“, — заявил экс-депутат /// Какие шкурные интересы преследует Киев, пытаясь законодательно повесить на Россию ярлык... /// Литва хочет стрясти с России миллиарды евро...*

Негативная коннотация выражения *шкурные интересы преследует* возможна только на основе контекста личных отношений, в которых жажда личной выгоды коннотируется крайне отрицательно (согласно схеме СВЯЗЬ, есть как минимум два субъек-

та отношений, и выгода одного влечет за собой ущерб другому). Если сменить основу на схему структуры, то действия по укреплению своих позиций, вклад в упрочение и т. п. становятся логично-нейтральными (какие же еще интересы должна преследовать организация, кроме своих?).

ЛИТЕРАТУРА

1. Монгилева Н. В. Архетипический образ «связь» в метафоризации отношений между людьми // Когнитивные исследования языка. — Тамбов, 2016. Вып. 27 : Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. С. 217—224.
2. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.
3. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. 248 с.
4. Amant R. S., Morrison C. T., Chang Y., Mu W., Cohen P. R., Beal C. An Image Schema Language. Proceedings of The 7th International Conference on Cognitive Modelling (ICCM). — North Carolina State Univ at Raleigh dept of computer science, 2006.
5. Attneave F. Perception of Place in a Circular Field // The American Journ. of Psychology. 1955. Vol. 68. No. 1 (Mar.). P. 69—82.
6. Fortis J.-M. De l'hypothèse de Sapir-Whorf au prototype : sources et genèse de la théorie d'Eleanor Rosch // Revue en ligne Corela, 2010, 8(2). URL: //corela.revues.org/1243 (date of access: 10.05.2017)
7. Grady J. Foundations of Meaning: Primary Metaphors and Primary Scenes. — UC Berkeley dissertation, 1997. 229 p.
8. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason. — Chicago ; London : Univ. of Chicago Pr., 1987. 268 p.
9. Johnson M. Embodied understanding // Front. Psychol. 2015. Vol. 6. P. 875. URL: www.frontiersin.org (date of access: 10.05.2017)
10. Clausner T. C., Croft W. Domains and image schemas // Cognitive linguistics. — Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1999. № 10-1. P. 1—13.
11. Lakoff G. Mapping the brain's metaphor circuitry: metaphorical thought in everyday reason // Frontiers in Human Neuroscience. 2014. Vol. 8 Art. 958. URL: //journal.frontiersin.org/article/10.3389/fnhum.2014.00958 (date of access: 10.05.2017).
12. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. — New York, NY : Basic Books, 1999. 640 p.
13. Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar. — Stanford, California : Stanford Univ. Pr., 1991. Vol. II: Descriptive application. 589 p.
14. Mandler J. M. How to build a baby II: conceptual primitives // Psychological Review. 1992. № 99. P. 587—604.
15. Rohrer T. Image Schemata in the Brain // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics / eds. by B. Hampe, J. Grady. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2005. P. 165—196.

N. V. Mongilyova
Kostanay, Kazakhstan

FUNCTIONING OF THE IMAGE SCHEME IN THE SYSTEM OF METAPHORICAL EXTENTIONS

ABSTRACT. Cognitive science defines a scheme as cognitive unit that is formed by means of perceptive analysis performing the function of memory about sense perception and serving as a model for new sense perception that gives an opportunity to recognize and memorize the new variant. Based on the mechanism of visual scheme the process of comprehension is accompanied by identification of a number of significant aspects of the outer world and constant transformation of the experience; comprehension changes the experience. The paper analyzes the visual scheme “Relations” in description of correlation between abstract phenomena that have a structure (politics, economics). The visual scheme “Relations” with the elements “subject”, “object in the function of connecting link”, “subject” is one of the basic structures of Russian relations discourse. The feature of linguo-cultural scenario in Russian relations discourse is that relations narrative automatically underlines the semantics of emotions and emotional evaluation of cooperation. With the help of the element of emotional relations in Russian linguo-culture, the narrative about cooperation of the countries has conceptual vectors of a number of human feelings and emotions (insult, affection, ambitions, etc.) when any kind of relations is mentioned.

KEYWORDS: political discourse; political metaphors; political metaphorology; Russian.

ABOUT THE AUTHOR: *Mongileva Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Literature, Kostanay State University, n.a. A. Baitursynov, Kostanay, Kazakhstan.*

REFERENCES

1. Mongileva N. V. Arkhetipicheskiy obraz «svyaz'» v metaforizatsii otnosheniy mezhdu lyud'mi // *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. — Tambov, 2016. Vyp. 27 : Antropotsentricheskii podkhod v kognitivnoy lingvistike. S. 217—224.
2. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991—2000) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.
3. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2003. 248 s.
4. Amant R. S., Morrison C. T., Chang Y., Mu W., Cohen P. R., Beal C. An Image Schema Language. Proceedings of The 7th International Conference on Cognitive Modelling (ICCM). — North Carolina State Univ at Raleigh dept of computer science, 2006.
5. Attneave F. Perception of Place in a Circular Field // *The American Journ. of Psychology*. 1955. Vol. 68. No. 1 (Mar.). P. 69—82.
6. Fortis J.-M. De l'hypothèse de Sapir-Whorf au prototype : sources et genèse de la théorie d'Eleanor Rosch // *Revue en ligne Corela*, 2010, 8(2). URL: [//corela.revues.org/1243](http://corela.revues.org/1243) (date of access: 10.05.2017).
7. Grady J. Foundations of Meaning: Primary Metaphors and Primary Scenes. — UC Berkeley dissertation, 1997. 229 p.
8. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason. — Chicago ; London : Univ. of Chicago Pr., 1987. 268 p.
9. Johnson M. Embodied understanding // *Front. Psychol.* 2015. Vol. 6. P. 875. URL: www.frontiersin.org (date of access: 10.05.2017).
10. Clausner T. C., Croft W. Domains and image schemas // *Cognitive linguistics*. — Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1999. № 10-1. P. 1—13.
11. Lakoff G. Mapping the brain's metaphor circuitry: metaphorical thought in everyday reason // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2014. Vol. 8 Art. 958. URL: [//journal.frontiersin.org/article/10.3389/fnhum.2014.00958](http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fnhum.2014.00958) (date of access: 10.05.2017).
12. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh*. — New York, NY : Basic Books, 1999. 640 p.
13. Langacker R. W. *Foundations of cognitive grammar*. — Stanford, California : Stanford Univ. Pr., 1991. Vol. II: Descriptive application. 589 p.
14. Mandler J. M. How to build a baby II: conceptual primitives // *Psychological Review*. 1992. № 99. P. 587—604.
15. Rohrer T. Image Schemata in the Brain // *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics* / eds. by B. Hampe, J. Grady. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2005. P. 165—196.